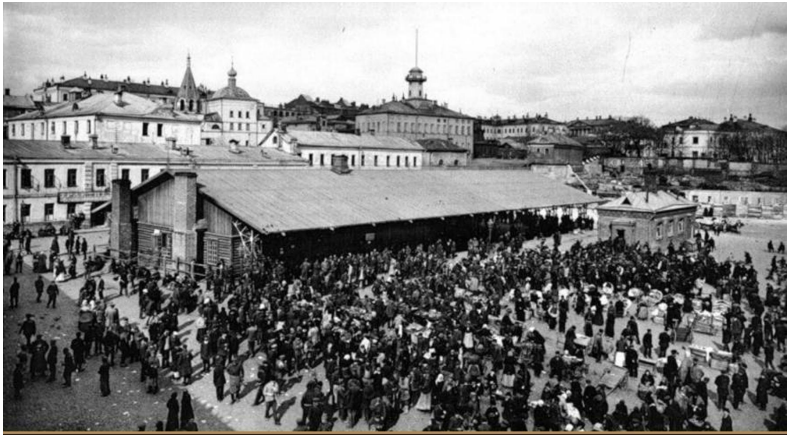

Р. НЕГЛИННЫЙ

По следам В. А. Гиляровского

МОСКВА *и* МОСКВИЧИ

2026

Р. Неглинный

Москва и москвичи. 2026. По следам В. А. Гиляровского

https://litres.ru/74720418
SelfPub; 2026

Аннотация

Почти сто лет назад Владимир Гиляровский прошёл Москву от Хитровки до Сандуновских бань и написал книгу о её жителях: ночлежниках, извозчиках, купцах, банщиках. Эта книга — тот же маршрут, пройденный в 2026 году. Извозчиков сменили курьеры, Сухаревку — рынок «Садовод», трактиры — рюмочные и шаурма, ночлежки — койко-места и «резиновые» квартиры, купеческие особняки — башни Москва-Сити.

В семнадцати очерках — люди, которые живут в этом городе сейчас: курьер из Вологды, торговка с «Садовода», банщик из-под Каширы, дежурная у эскалатора, пенсионерка с Патриков. Каждая глава начинается с цитаты Гиляровского и проверяет, что осталось от его Москвы. В книге 36 иллюстраций — старая Москва и нынешняя.

Содержание

ОТ АВТОРА 7
В МОСКВЕ 10
ХИТРОВКА 23
СУХАРЕВКА 36
Конец ознакомительного фрагмента. 40

1915.

Р. Неглинный
Москва и москвичи. 2026. По следам В. А. Гиляровского

Владимир Алексеевич Гиляровский (1855—1935). Портрет работы С. В. Малютина, 1915 г.

ОТ АВТОРА

Я — москвич! Сколь счастлив тот, кто может произнести это слово, вкладывая в него всего себя.
В. А. Гиляровский, «Москва и москвичи»

Я — москвич! Говорю это и всякий раз оглядываюсь: не засмеётся ли кто? Потому что москвичом в Москве теперь не рождаются, им становятся, и становятся по-разному: одни за год, другие за всю жизнь, а третьи так и уезжают, ни разу не почувствовав под ногами того, что чувствовал старик Гиляровский, когда ступал на булыжник Хитровки или на гранит Тверской.

Его книга лежит у меня в кармане куртки уже который год. Растрёпанная, в пятнах от чая и от московской слякоти, с загнутыми углами там, где Сухаревка, где Неглинка, где бани. Я брал её с собой, как берут компас, хотя компас этот показывает на город, которого давно нет. Нет Сухаревой башни, нет Охотного Ряда с поросятами в мешках, нет ночлежек Кулакова и Ярошенко, нет «Каторги» и «Сибири». А город — есть. И он такой же шумный, жадный, щедрый, страшный и смешной, каким его видел дядя Гиляй.

Предисловие к последнему изданию своей книги Гиляровский пометил декабрём 1934 года. Метро тогда ещё достраивали, а старик уже писал о его «подземных глубинах»,

о залах, «сверкающих мрамором». Весной 1935-го поехали первые поезда, а осенью, 1 октября, его не стало. Он ушёл, едва увидев новую Москву, и оставил нам старую — со всеми её запахами, ругательствами, ценами и прозвищами.

Мне выпало другое время. Москва моя — 13 с лишним миллионов человек по официальному счёту, а сколько по неофициальному, не знает никто, даже Мосстат. В её метро за один только 2024 год совершили больше 2,25 миллиарда поездок — больше, чем живёт людей в Индии. Город расползся до Калужской области и вверх, почти до сотого этажа. Он сменил извозчика на курьера, трактир на рюмочную, газету на телеграм-канал, а Хитров рынок — на сквер, в котором студенты едят круассаны.

Я решил пройти по следам Гиляровского — по тем же площадям, по тем же переулкам, в те же бани — и посмотреть, кто там теперь. А заодно сходить туда, куда старик не ходил и не мог ходить, потому что этих мест при нём не было: на рынок «Садовод» у МКАДа, на верхние этажи «Москва-Сити», в Некрасовку, в пункт выдачи заказов, в даркстор, в домовой чат.

Работал я по-гиляровски: ходил ногами. Стоял ночью на вокзале, ездил с курьером, парился в Сандунах, стоял в очереди к шаурме в три часа ночи, пил чай с торговками на «Садоводе» и водку в рюмочной. Но приходилось и по-новому: читать форумы, отзывы, домовые чаты, «Пикабу», телеграм-каналы. Это нынешние трактиры, где Москва чешет

язык, хвастает, жалуется и врёт. Без них сегодняшнего москвича не понять, как не понять было вчерашнего, не посидев у Тестова или в «Каторге».

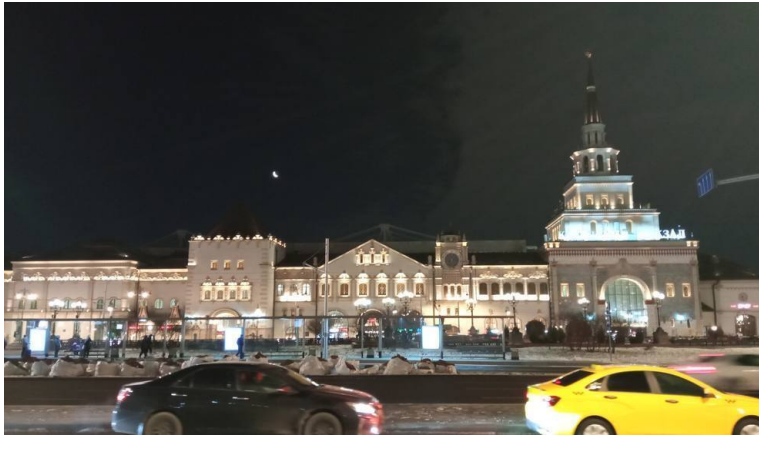
Скажу честно, как говорил Гиляровский. Люди в этой книге живые, но имена их я изменил, а некоторые портреты собрал из двух-трёх человек — как их собирает сам город, который никого не оставляет в одном экземпляре. Да и сам рассказчик, этот «я», что ходит по страницам, тоже немного собирательный: в нём и свои ноги, и чужие рассказы, и прочитанное в чатах. А вот цифры, цены, даты, адреса и цитаты из газет — проверены, и откуда они взяты, сказано в конце книги. Цены — осени 2026 года. Через год они станут смешными, как смешны нам сегодня гиляровские «пятак за ночь» в ночлежке и двугривенный банщику в Сандунах.

Москва не стоит на месте ни одного дня. Пока эта книга печаталась, наверняка закрылась какая-нибудь рюмочная, открылась какая-нибудь станция и подорожала какая-нибудь шаурма. Пусть. Гиляровский тоже писал о том, что исчезало у него на глазах. Для того и пишут: чтобы осталось.

«Минувшее проходит предо мною», — говорил пушкинский Пимен. «Грядущее проходит предо мною», — поправлял его Гиляровский. А передо мною проходит настоящее, и бежит оно так, что не поспеешь ни за ним с блокнотом, ни за курьером на электровелосипеде.

В МОСКВЕ

Наш полупустой поезд остановился на темной наружной платформе Ярославского вокзала, и мы вышли на площадь, миновав галдевших извозчиков, штурмовавших богатых пассажиров и не удостоивших нас своим вниманием.
В. А. Гиляровский, «Москва и москвичи»

Казанский вокзал ночью. Комсомольская площадь. Декабрь 2025 г.

Вологодский уроженец Гиляровский приехал в Москву в октябре 1873 года из Ярославля — из полка, в юнкерское училище в Лефортове, — ночью, со своим сундучком за

плечами. Поезд пришёл на Ярославский вокзал, извозчики на него и не взглянули, и он пошёл пешком в Лефортово — через сугробы, мимо тёмных Ольховцев, по пустой Басманной. Фонари светили «только собственные стекла», а его приятель Костя Чернов вдруг запел петухом, и ему ответили проснувшиеся петухи Ольховцев.

Спустя 153 года, тоже в октябре и тоже ночью, я стоял на той же платформе и встречал вологодский поезд. Ехал на нём Митя, сын моего старого товарища, 22 лет от роду. Отец позвонил мне за неделю:

— Встреть, покажи, что к чему. Он у нас парень толковый, но Москвы не видал. Едет в курьеры.

— В курьеры?

— Друг его уже год возит еду. Говорит, деньги есть, начальства нет. А у нас что? У нас лесопилка закрылась.

Так я и узнал, что Вологда по-прежнему отправляет в Москву своих сыновей, только теперь не в репортёры и не в актёры, а в доставку.

* * *

Поезд пришёл в начале двенадцатого. Платформа была светлая, как операционная, и мокрая от мелкого дождя, который в Москве в октябре идёт не сверху, а как-то со всех сторон сразу. Митя вышел из вагона с рюкзаком за плечами и большой клетчатой сумкой в руке — той самой, полосатой,

«челночной», в которой 30 лет назад ездили в Турцию за кожанками, а теперь ездят все, кому некуда больше сложить жизнь. Сундучок Гиляровского, только из полипропилена.

— Здравствуйте, — сказал Митя и посмотрел в телефон. Потом посмотрел ещё раз. — А у вас тут интернета нет?

— Есть. Но не весь.

Это была первая московская новость, которую мне пришлось ему объяснять. С весны 2026 года мобильный интернет в Москве то пропадает, то работает «по белым спискам». Власти объясняют это мерами безопасности, операторы разводят руками, а москвичи привыкли, как привыкали когда-то к булыжнику и к лужам на Трубной. Открываются Госуслуги, банк, карты, такси, доставка — всё, что в списке. Не открывается то, чего в списке нет. Мите надо было написать матери, что доехал, а написать он привык в телеграм, который в список не попал.

— Позвони, — посоветовал я. — По-старому. Голосом.

Он посмотрел на меня так, как Гиляровский смотрел, наверное, на тех, кто советовал ему ехать на извозчике в санях с паклей.

* * *

Мы вышли на площадь.

Комсомольская площадь — это три вокзала, а значит, трое ворот в три разные страны. Слева Ленинградский, ста-

рейший в Москве, построенный ещё в середине позапрошлого века: строгий, светло-жёлтый, с часами на башенке, за ним — Петербург, «Сапсаны» и «Красная стрела». Рядом с ним, бок о бок, Ярославский — сказочный терем Шехтеля, с крутой крышей, с майоликой, как будто из него сейчас выйдет Садко, а выходит вахтовик в камуфляжных штанах с баулом. За ним — Вологда, Архангельск, Воркута, Владивосток. А напротив, через всю ширину площади, раскинулся Казанский, щусевский, с башней, похожей на казанскую Сююмбике. За ним — Поволжье, Урал, Средняя Азия. Через стены одного этого вокзала, как подсчитали журналисты, проходит в день около 30 тысяч человек.

И над всем этим, острым шпилем в мокром небе, — гостиница «Ленинградская», самая маленькая из семи сталинских высоток, а всё равно великан.

Спросите любого таксиста, что такое площадь трёх вокзалов, и он ответит одним словом, которое в книгу не впишешь. Один из них, Рустам, пожилой, с усами и в кожаной кепке, курил у своего белого автомобиля с шашечками и объяснял мне:

— Я вообще человек спокойный. Дома жена говорит: ты как ангел. А сюда приезжаю — зверею. Клиент вызывает на Казанский, а сам стоит на Ленинградском. Я ему: вы где? Он: у вокзала! У какого?! Их тут три! Стоять нельзя, камеры кругом — встал, и уже штраф. Кругом стройка, кругом заборы. Тьфу!

Этот вопрос — «а какой из них какой?» — здесь задают чаще, чем «сколько стоит». Его задают сто раз на дню приезжие, и дежурные полицейские, по словам одного из них, слышат его во сне.

Таксисты на Комсомольской — особое племя, потомки тех самых извозчиков, что «штурмовали богатых пассажиров». Но племя это разделилось. Одни сидят в приложении и ждут, когда телефон звякнет, их машины жёлтые или белые, с номерами и лицензиями, в салоне пахнет ёлочкой-ароматизатором и детским креслом. Другие — «бомбилы» — стоят у выхода и ловят глазами тех, у кого нет приложения или нет интернета:

— Такси, такси! Куда едем? Недорого!

«Недорого» у них — понятие философское. Митя было потянулся к одному такому, но я взял его за рукав. Бомбила проводил нас взглядом, в котором не было обиды, а только привычка: не этот, так следующий. Москва большая, приезжих много.

С марта 2026 года в такси, кстати, вступил в силу закон: новые машины в реестр такси вносят только российской сборки, с нужным числом «баллов локализации». Старые доживают свой век, а новые всё чаще — «Лады», «Москвичи», «Эволюты». Таксисты ругают закон так же дружно, как ругали когда-то извозчики первые трамваи. Кто-то из союзов промышленников подсчитал, что из профессии могут уйти до 200 тысяч водителей. Рустам уходить не собирался:

— Куда я пойду? В курьеры? Я на велосипеде последний раз в Душанбе катался, в 1989 году.

* * *

А курьеры были тут как тут. Ночью на площади трёх вокзалов их больше, чем носильщиков. Они проносятся на электровелосипедах, бесшумные, как тени, с огромными квадратными коробами за спиной — жёлтыми, зелёными, розовыми, синими. По цвету короба москвич сразу скажет, из какой он конторы, как прежний москвич по номеру на спине и по цвету кафтана узнавал извозчика. Митя смотрел на них, как смотрят на своё будущее: с интересом и немного со страхом.

— Это вот так всю ночь?

— Всю ночь. Москва ест круглые сутки.

Один из них остановился у киоска с шаурмой, слез с велосипеда, снял шлем. Под шлемом оказался мальчишка лет двадцати, с тёмными усиками, уставший до серости. Он взял чай в пластиковом стакане и долго дул на него.

Киоск этот стоит у самого перехода, и вокруг него вертится вся ночная жизнь площади. Здесь шаурма 350, а то и все 400, «по-арабски» — дороже. У вокзалов свои законы, как свои законы были когда-то у Хитровки, где торговки сидели над «бульонкой, которую больше называют „собачья радость“». Пахнет жареной курицей, луком, мокрым асфаль-

том и бензином. Лаваш на гриле шипит. Продавец, в белой шапочке и в фартуке, режет мясо длинным ножом с вертела, и мясо это крутится, как глобус, освещённый изнутри красной лампой.

— Будешь? — спросил я Митю.

— А можно?

Мы взяли две. Митя ел жадно, по-молодому, держа шаурму обеими руками и роняя капусту на свою клетчатую сумку. Курьер допил чай, посмотрел в телефон, буркнул что-то на своём языке и укатил. Заказ.

* * *

У подземного перехода перед Ленинградским вокзалом, на ступеньках, под козырьком, — те, кому ехать некуда.

Их немного, не то что во времена Гиляровского, когда на Хитровке ночевали до 10 тысяч человек. Но они есть, и их видно. Опытный глаз отличает старожила от новичка по одежде: новичок ещё в своей куртке, ещё старается, ещё прячет лицо. Старожил уже в чужой, с чужого плеча, и лица не прячет, потому что прятать нечего.

Одна женщина лет шестидесяти, в пуховике и в двух шапках одна на другой, сидела на расстеленной картонке и держала на коленях полиэтиленовый пакет, как держат ребёнка.

— Подайте на хлеб, — сказала она, не поднимая головы, и тут же, без перехода: — Только вы не думайте, я не пью. Ме-

ня обокрали. Здесь всё время обворовывают, ничего оставить нельзя. Но есть и хорошие люди. Есть которые кормят, как родную. Вот парень вчера принёс горячего — бургер, картошку, чай. Из «Вкусно — и точка».

Митя полез в карман, вытащил сторублёвку, положил ей в пакет. Она перекрестила его, не глядя.

Рядом, на ступеньке пониже, лежал мужчина, укрытый с головой. Из-под одеяла торчали ботинки — хорошие ботинки, почти новые, с жёлтыми шнурками. По этим ботинкам и видно было, что лежит он здесь недавно.

Москва не оставляет их совсем без присмотра. Вокзалы открыты, чтобы можно было погреться и умыться. Зимой у площади встают передвижные пункты обогрева с горячим чаем. Каждый день по вокзалам ходит «Социальный патруль» — уговаривает, записывает, отвозит в центры. Работают благотворители: петербургская «Ночлежка» открыла в Москве свою службу ещё в 2020 году, и местные жители, как водится, протестовали против её приюта — «только не в нашем районе».

* * *

Полицейских на площади много, и днём, и ночью. Стоят парами у входов в метро, у перехода, у дверей вокзалов, с рациями на груди. Есть и такие, которых не видно: в штатском, с рюкзачками, похожие на студентов или на тех же ку-

рьеров. Гиляровский писал, что всей Хитровкой заправляли двое городовых, Рудников и Лохматкин, знавшие в лицо всех преступников Хитровки за четверть века «несменяемой службы». Нынче лица знают камеры. Их на площади столько, что, кажется, будь у камер голоса, площадь гудела бы, как улей. Каждый, кто прошёл через турникет, оставил свой портрет, а кто заплатил за метро лицом, тот оставил его дважды.

Мы с Митей спустились на «Комсомольскую».

Если наверху площадь — это шум, грязь, такси и шаурма, то внизу дворец. Кольцевая «Комсомольская» — высокий жёлтый зал с колоннами, с люстрами, с мозаиками на потолке, которые делал художник Павел Корин. Строили её после войны, и строили так, чтобы приезжий из деревни, сойдя с поезда, сразу понял, в какую страну он попал. Приезжий понимал. Митя тоже понял, остановился посреди зала, задрал голову и стоял, пока его не толкнули сзади.

— Не стой, — сказал кто-то беззлобно. — Тут Москва.

У турникетов я устроил ему первый урок московской арифметики. Одна поездка в метро стоит теперь 75 рублей, если по карте «Тройка», 83 — если приложить банковскую карту, 71 — если заплатить лицом, то есть встать перед камерой, и турникет тебя узнает. А 90 — если купить бумажный «Единый» на одну поездку, как покупают его туристы и потерянные души.

— Четыре цены за одно и то же? — не поверил Митя.

— Четыре. За одно и то же.

— А какая правильная?

На этот вопрос я ответить не смог. Гиляровский писал, что на Хитровке ночлежник платил пятак за ночь, а «номера» ходили по двугривенному. Цены были понятные. В Москве 2026 года пятак за ночь не возьмёт никто, а цена зависит от того, чем ты платишь, — карточкой, телефоном или собственным лицом.

Митя заплатил банковской картой — 83 рубля. Первая московская переплата. Не последняя.

* * *

Ехать нам было недалеко. Митя загодя, ещё из Вологды, снял себе по объявлению койко-место в хостеле у «Бауманской», в старом доме в переулках Басманной части, — то есть ровно в тех местах, по которым Гиляровский шёл в свою первую московскую ночь. «Мужской хостел, только мужчины, от трёх суток, верхнее место дешевле нижнего». Цены в таких объявлениях — 640, 690, 750 рублей за сутки. Верхнее — 640, нижнее — 690: за то, чтобы не лазить по ночам по железной лесенке, в Москве берут полтинник.

— Можно и пешком, — сказал я. — Тут два шага. Хочешь, пройдём, как Гиляровский шёл?

— А кто это?

Тут я понял, что начинать надо не с метро.

Мы вышли обратно на площадь и пошли пешком — мимо Казанского, под железнодорожным мостом, на Новорязанскую, а оттуда переулками к Разгуляю — почти тем же путём, каким Гиляровский шёл по Басманной. Дождь перестал. Город не спал. По Новорязанской шли машины, ровно гудя, как идёт вода по трубе. Светились окна новых офисных домов — пустых, но светящихся всю ночь, как светились когда-то лампадки в окнах деревянных домишек Ольховцев. Только лампадки горели перед иконами, а эти — перед пустыми креслами.

На каждом углу стоял продуктовый магазин, открытый круглые сутки, — «24 часа», — и в каждом сидела за кассой женщина с усталым лицом и смотрела в телефон, в котором не было интернета. У одного магазина курили двое в оранжевых жилетах, дворники, разговаривали негромко на узбекском. Гиляровский писал, что Москва в его первую ночь была «темь, тишина, сон беспробудный». Нынешняя Москва в первом часу ночи — свет, гул и бессонница.

Петухов на Басманной больше нет. Ни одного. Я проверял.

— А у нас в деревне у бабушки петух, — вдруг сказал Митя. — Кричит в четыре утра. Я думал, в Москве хоть высплюсь.

— Не выспишься, — пообещал я. — Тут вместо петухов курьеры.

Словно в подтверждение, мимо нас бесшумно пролетел

жёлтый короб на колёсах, и мы оба отскочили к стене. Короб даже не притормозил.

* * *

Хостел оказался на втором этаже старого доходного дома, за железной дверью с кодовым замком. Код Мите прислали заранее в смс, потому что смс в Москве доходят и без белых списков. Внутри — коридор, пахнущий стиральным порошком и лапшой быстрого приготовления, комната на восемь мест, четыре двухъярусные кровати, на каждой — свой мир за занавеской из простыни. Кто-то храпел. Кто-то смотрел видео в телефоне без звука, синий свет пробивался сквозь простыню. На спинке одной кровати висел жёлтый короб, на спинке другой — оранжевая строительная каска.

Гиляровский писал про хитровские «нумера» — места под нарами, отгороженные рогожей, «аршин высоты и полтора аршина ширины». Простыня вместо рогожи. Пластиковая кровать вместо нар. Шестьсот сорок рублей вместо пятака. И никакого Рудникова с Лохматкиным — только администратор Наргиза, которая проверила Митин паспорт, сфотографировала его на телефон и сказала:

— Тапочки свои? Еду в комнате не есть. Холодильник общий, подписывай.

Митя поставил свою клетчатую сумку под нижнюю кровать — он взял нижнюю, за 690, мать дала денег. Сел на край,

огляделся.

— Ну вот, — сказал он. — Москва.

— Москва, — согласился я.

Так она встретила его в первый раз, в октябре 2026 года. Не петухами, а храпом семерых соседей из пяти республик, четырьмя ценами за метро, шаурмой за 350 и женщиной в двух шапках, которая перекрестила его, не глядя.

Я вышел на улицу. Было без четверти два. Где-то на Басманной ударил колокол — нет, это у кого-то в машине заиграла музыка. Над крышами, далеко на западе, подсвеченные снизу, стояли в тумане башни «Москва-Сити», похожие на скалы, на которых кто-то забыл выключить свет.

Я достал из кармана Гиляровского и прочитал при свете телефона: «Так меня встретила в первый раз Москва в октябре 1873 года».

И пошёл домой пешком.

ХИТРОВКА

Хитров рынок почему-то в моем воображении рисовался Лондоном, которого я никогда не видел. Лондон мне всегда представлялся самым туманным местом в Европе, а Хитров рынок, несомненно, самым туманным местом в Москве.
В. А. Гиляровский, «Москва и москвичи»

Сквер на Хитровской площади. 2015 г.

Хитровка была матерью московского дна. Хитровки давно нет, а дно осталось.

Я пришёл на Хитровскую площадь утром, в будний день, с книгой в кармане, чтобы найти туман. Спускаешься сюда, как и 150 лет назад, сверху — по Подколокольному переулку от Покровского бульвара, или по Хитровскому, или по Петропавловскому, — и площадь лежит внизу, в низине, «в которую спускаются, как ручьи в болото, несколько пере-

улков». Это осталось. Рельеф не перестроишь, хотя Москва пробовала.

Тумана не было. Была аккуратная лужайка, подстриженная, как голова новобранца, гранитные бордюры, фонари под старину, скамейки и деревья. По дорожкам шли студенты с картонными стаканами кофе, девушка выгуливала корги, курьер на электровелосипеде срезал угол через сквер, нарушая всё, что можно нарушить, и никто ему ничего не сказал.

Вот она, Хитровка 2026 года.

* * *

История у этой площади короткая и страшная, как биография хитрованца.

После пожара 1812 года здесь были пустыри — выгоревшие барские усадьбы, которые владельцы не могли ни отстроить, ни продать. Их скупил на торгах генерал-майор Николай Захарович Хитрово, человек деятельный и, судя по всему, добрый: замостил площадь камнем, поставил масляные фонари, затеял крытые торговые ряды для мясников и зеленщиков и подарил всё это городу. В 1824 году здесь открылся Хитров рынок. Через два года генерал умер, ряды так и не достроили, а рынок остался — и остался с его фамилией навсегда.

Потом отменили крепостное право, в Москву хлынули де-

ревенские, и площадь стала биржей труда. Под огромным навесом становились артели, приходили подрядчики и уводили людей на работу. Вокруг выросли ночлежки, а при ночлежках — трактиры «Пересыльный», «Сибирь» и «Каторга». К концу века Хитровка превратилась в то, что описал Гиляровский: в «шевелящуюся гнилую яму», где ночевали до 10 тысяч человек, где ели «собачью радость» и «рябчика», где «свой дорогу найдёт, а чужому незачем сюда соваться».

Советская власть с Хитровкой покончила быстро. В 1923 году Моссовет закрыл рынок, ночлежки и трактиры. В 1928-м на площади разбили сквер. Во второй половине тридцатых построили школу, потом в ней был техникум, потом колледж. Казалось, всё, конец истории.

Но у Хитровки длинная память. В конце двухтысячных колледж снесли, и на освободившемся месте в самом центре старой Москвы девелопер собрался строить офисный центр. Тут Хитровка ожила в последний раз. Жители, краеведы, градозащитники собрали больше 12 тысяч подписей против стройки. Москомнаследие ещё в 2008 году признало окрестности «достопримечательным местом». Мэр Лужков распорядился воссоздать площадь, а мэр Собянин, сменивший его, осенью десятого года объявил, что вместо офиса будет сквер. Несколько лет на месте площади стоял забор и котлован. В 2014–2015 годах наконец разбили сквер, тот самый, с лужайкой и фонарями. Контракт на благоустройство, если верить данным о торгах, стоил без малого 49 миллио-

нов рублей.

Так Хитровка второй раз стала сквером. Первый раз её сделали сквером, чтобы забыть. Второй — чтобы помнить.

* * *

Что осталось от гиляровской Хитровки? Больше, чем кажется.

Стоит дом Бунина на углу Хитровского переулка — часть старинной усадьбы, памятник федерального значения. При Гиляровском в нём были ночлежки. Стоит дом Ярошенко в Подкопаевском, с палатами XVII века внутри, — тот самый, где была «Каторга», «биржа воров и беглых». Стоит на углу Петропавловского и Певческого знаменитый «Утюг», острый, клином, бывший дом Кулакова, — его в 1925 году надстроили двумя этажами, и теперь он выглядит прилично, как раскаявшийся грешник в новом пиджаке. Стоит дом Хитрово, где была Орловская лечебница.

В домах этих теперь живут люди, работают конторы, сдаются квартиры, а в переулках, что сбегают к площади, открылись кофейни, студии и барбершопы — всё, чем обрастает в Москве любое место, где ходит молодёжь с деньгами. Я заглянул в одну такую кофейню. Капучино там стоил столько, сколько хитровский ночлежник не зарабатывал, наверное, и за месяц. Бариста, худенький юноша с тоннелями в ушах, на вопрос, знает ли он, что здесь было, ответил:

— Ну, типа трущобы. Гиляровский. У нас в меню даже сэндвич «Хитровка» был, но его убрали, не продавался.

Вот и вся память.

А самое удивительное — кто теперь хозяин Хитровки. Вдоль Хитровского переулка и дальше, в Малый Трёхсвятительский, тянется комплекс зданий Высшей школы экономики. В народе — «Вышка». А в здании этом при Гиляровском была Мясницкая полицейская часть, с пожарной каланчой, с камерами для арестантов. Сидели в ней и Маяковский, и Эренбург. То есть в двух шагах от главного воровского притона Москвы стоял главный полицейский участок, и они прекрасно уживались, как уживаются кошка с собакой в одной квартире: друг друга знают, но в чужую миску не лезут.

Теперь в бывшей полицейской части учат журналистов, дизайнеров, медиаменеджеров. Лучший вид на Хитровскую площадь, говорят сами вышкинцы, открывается из окон их факультета коммуникаций, медиа и дизайна. В 2017 году университет даже поставил в сквере стенды с выставкой об истории Хитровки — чтобы студенты, перебегая из корпуса в корпус с ноутбуком под мышкой, хоть краем глаза видели, по чему они бегают.

Я сел на скамейку и стал смотреть на студентов.

Шли они группками, по двое, по трое. Девушки — в длинных пальто оверсайз, в кроссовках, с сумками-шопперами, на которых написаны умные слова по-английски. Юноши — в худи, в широких штанах, с наушниками, похожими на

белые таблетки. Говорили они о дедлайнах, о курсовых, о каком-то «кейсе для Сбера» и о стажировке в «Яндексе». Один, проходя мимо, сказал в телефон:

— Да я тебе говорю, это вообще дно, а не препод.

Дно. На Хитровке. Я чуть не рассмеялся. Хитровка любит пошутить.

* * *

Но куда же делось дно? Не может же быть, чтобы город в 13 с лишним миллионов человек обходился без своей Хитровки. «Свой дорогу найдёт, а чужому незачем сюда соваться!» — писал Гиляровский о Хитровке. Мир этот не исчез. Он просто разошёлся по городу, как разошлась когда-то по переулкам вода из-под Неглинки, и ушёл с площади в квартиры.

Нынешняя ночлежка называется «койко-место». Объявления о нём висят на сайтах недвижимости, рядом с пентхаусами на Остоженке, — по такому объявлению Митя и снял свою нижнюю койку у «Бауманской». Койка эта почти в десять раз дешевле средней ночи в московской гостинице: та, по данным бронировщиков, за первые семь месяцев 2026 года стоила 6400 рублей. А самая дешёвая отдельная квартира в аренду — около 37 тысяч в месяц, и то где-нибудь на окраине.

Я сходил в такой хостел, не в Митин, а в другой, поболь-

ше, в Люблине. Хозяин, назовём его Тимур, бывший военный, грузный, вежливый, показал мне всё сам, с гордостью, как показывают трёхкомнатную квартиру, переделанную в небольшую казарму:

— Вот здесь у меня 12 мест. Здесь — восемь. Здесь — шесть, это «семейная», для тех, кто подольше. Матрасы новые, ортопедические, три месяца назад брал. Клопов нет, санобработка каждый месяц, у меня с этим строго. Пьяных не держу. Наркоманов — сразу на улицу. Женщин — нельзя, только мужской.

— А кто живёт?

— Да все. Строители, курьеры, охранники, водители. Есть из Таджикистана, из Узбекистана, из Киргизии, есть наши, русские, из Тамбова, из Курска. Один у меня полгода жил — с Сахалина, на вахте работал. Профессор есть один, бывший. Ну, не профессор — доцент. Развёлся, квартиру жене оставил, сейчас тут. Очень культурный человек, книги читает.

Гиляровский писал о хитровских «бывших» — бывших офицерах, бывших чиновниках, бывших актёрах, которые смаковали объедки и говорили «А ведь это был рябчик!». Бывшие есть и сейчас. Доцента я видел: седой, аккуратный, в спортивном костюме, лежал на нижней койке и читал с телефона. Поздоровался вежливо. Разговаривать не захотел.

На кухне у Тимура пахло пловом, порошком и сигаретами, хотя курить на кухне было строго запрещено, о чём сообщало объявление на трёх языках. Холодильник был обкле-

ен бумажками с именами: «ФАРХОД», «НЕ ТРОГАТЬ!!!», «Саша 12 место», «Рустам». На столе — общая кастрюля, общий чайник с отбитым носиком, общая сахарница. Двое молодых парней ели лапшу из пластиковых коробок и смотрели одно видео на двоих с одного телефона.

— Сколько заработали сегодня? — спросил я в лоб.

— Сегодня — 7500, — ответил один, не отрываясь от экрана. — Дождь был, заказов много. Вчера — 4800.

— Курьеры?

— Курьеры.

— А в месяц сколько выходит?

— Тысяч 150. Кто без выходных по 12 часов — и все 200.

Хитровка, как и при Гиляровском, остаётся биржей труда. Только навеса больше нет и подрядчик не приходит утром на площадь. Подрядчик теперь сидит в телефоне и называется «приложение». Оно само находит тебе работу, само считает, сколько ты заработал, само штрафует и само отключает, если что не так. С приложением не поругаешься и не договоришься, как договаривались хитрованцы с городовым Лохматкиным.

* * *

Есть у койко-места злой брат — «резиновая квартира».

Это когда в обычной квартире, в обычном доме, где по соседству живут пенсионерка и семья с двумя детьми, ока-

зываются прописанными 20, 30, а то и 100 человек. Сами они там, как правило, не живут — регистрация им нужна на бумаге, для документов. А бывает, что и живут, человек по 12 в двушке, спят посменно: одни с ночной смены пришли, другие на дневную ушли. Как в хитровских ночлежках, где под нижними нарами были «логовища на двоих».

Полиция «резиновые» квартиры ищет и находит, о том регулярно сообщают городские новости. Соседи жалуются в домовые чаты, и чаты эти я читал. Жалобы в них, думаю, мало отличаются от тех, что 150 лет назад слышали на Хитровке от соседей-обывателей, только грамотности поменьше, а восклицательных знаков побольше:

«В 47 квартире опять новые!!! Каждую неделю новые лица!!! Кто им сдаёт?!»

«Мусор на площадке с утра, коробки, обувь. Я в УК писала три раза. Ноль реакции».

«А вы не думали, что люди просто работают, а жить им негде? Сами бы попробовали на их зарплату снять».

Последнее сообщение было единственным в своём роде, и под ним стояло 12 возмущённых смайликов и одно сердечко.

* * *

Вечером я вернулся на Хитровскую площадь. Мне всё-таки хотелось увидеть туман.

Стемнело рано, как темнеет в Москве в конце октября, —

сразу, будто кто-то задёрнул штору. Фонари зажглись жёлтым светом, сквер опустел. Студенты разошлись по домам и общежитиям. Корги увели. Из подъезда дома Бунина вышла женщина в пуховике, вынесла пакет с мусором, поёжилась и ушла обратно.

И тут, честное слово, пошёл туман. Не такой, как у Гиляровского, не «облако село», а лёгкий, осенний, московский, от реки, от Яузы, которая течёт тут же, внизу, за бульваром. Он лёг на лужайку, обнял фонари, и площадь на минуту стала похожа на ту, что на старых фотографиях: та же низина, те же переулки сбегают вниз, как ручьи, те же стены кругом.

На скамейке в углу сквера сидел человек. Немолодой, в куртке, в шапке. Рядом стоял пакет. Он сидел неподвижно и смотрел перед собой. Я подошёл. Он поднял голову.

— Огоньку не будет?

Я не курю. Он кивнул, будто так и думал.

— Я тут посижу, — сказал он. — Тут хорошо. Тихо. Полиция не гоняет. Студенты, бывает, сигарету дадут. А на вокзале не посидишь.

— А ночуете где?

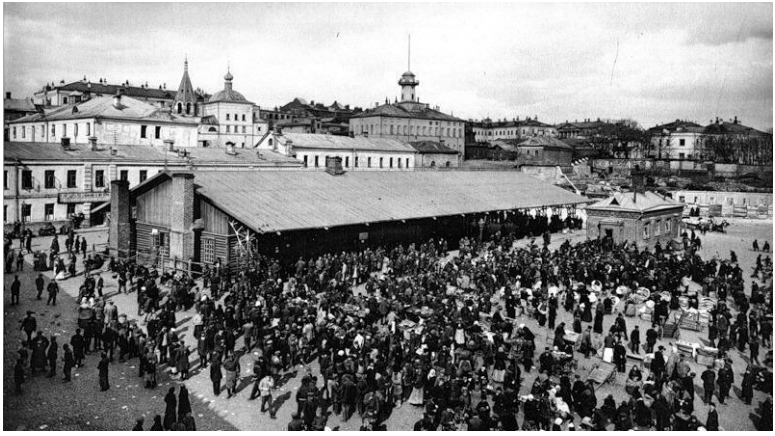
— Где придётся. — Помолчал. — Я тут, знаете, раньше работал. Рядом, в институте одном. Завхозом. Двадцать лет. Потом институт закрыли, здание продали. Ну и всё как-то… пошло.

Он не стал рассказывать, как именно пошло, а я не стал спрашивать. Гиляровский, может, и спросил бы. Но я поси-

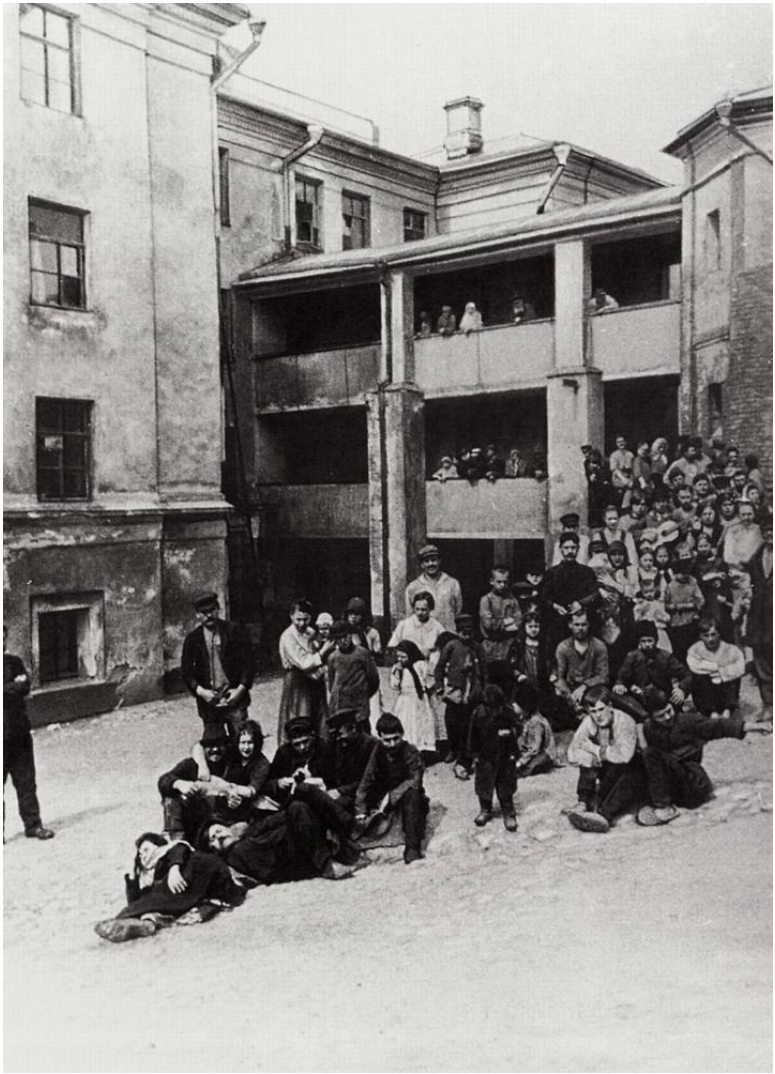
дел рядом, сколько смог, отдал ему свой пакет с бутербродами, который так и не съел за день, и пошёл вверх по Подколокольному, к бульвару.

Оглянулся. Туман уже ушёл. Человек сидел на скамейке, освещённый жёлтым фонарём, на том самом месте, где когда-то стоял навес биржи труда и где хитровские торговки сидели «рядами на огромных чугунах с тушонкой».

Хитровка всегда была самым туманным местом в Москве. Дело было не в погоде.

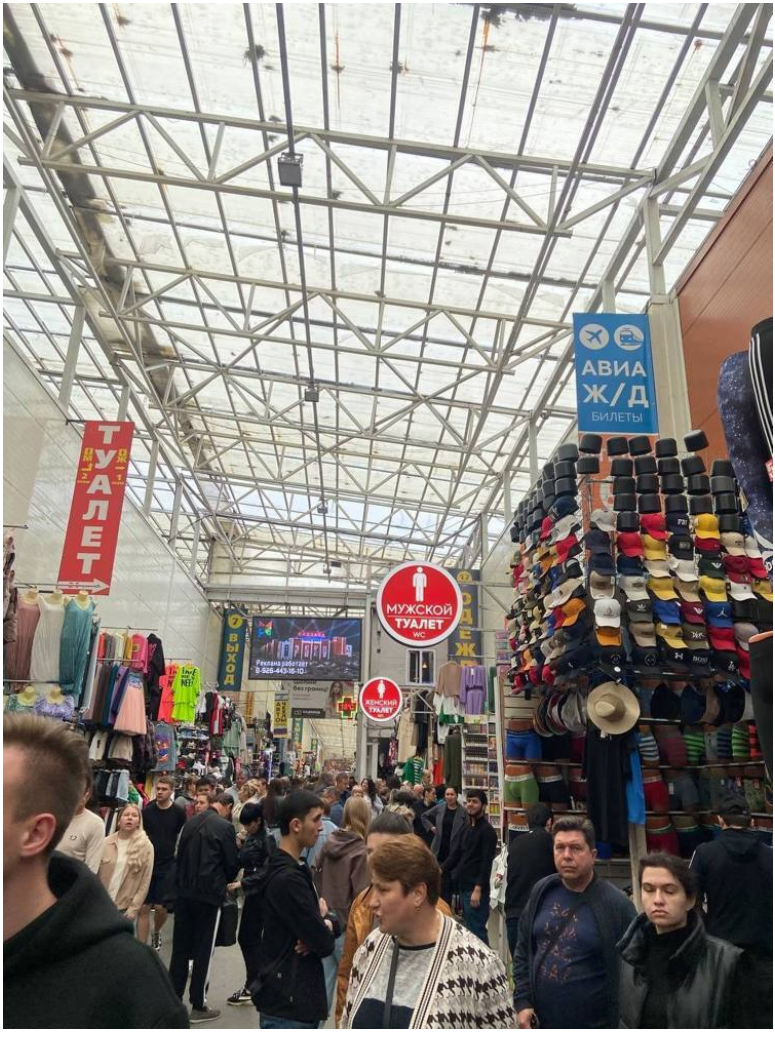
Хитровская площадь: биржа труда и городская народная столовая. Начало XX в.

Обитатели ночлежного дома. Москва, около 1904 г.

СУХАРЕВКА

Сухаревка — дочь войны. Смоленский рынок — сын чумы.
В. А. Гиляровский, «Москва и москвичи»

ТУАЛЕТ
АВИА
Ж/Д
БИЛЕТЫ
МУЖСКОЙ
ТУАЛЕТ
ВЫХОД

Торговый комплекс «Садовод». Крытая линия вещевых рядов. 2023 г.

«Садовод» — внук Сухаревки. Черкизон — его покойный отец.

Сухаревку родил 1812-й год: генерал-губернатор Ростопчин объявил, что все вещи, «откуда бы они взяты ни были», принадлежат тому, кто ими владеет, и разрешил продавать их по воскресеньям на площади у Сухаревой башни. Хлынула Москва — искать своё, награбленное, и покупать чужое. Так началась вековая Сухаревка с её девизом «На грош пятаков!». Её закрыли в двадцатых годах, а саму башню снесли в 1934-м, и москвичи до сих пор жалеют, хотя мало кто из них её видел.

Черкизон родили девяностые. Огромный вещевой рынок у Измайлова, 49 гектаров контейнеров, поставленных в два, а то и в три яруса, — город в городе, со своими улицами, своими законами, своими языками. Покупали там всё и все: кожанки, пуховики, кроссовки «Абибас», детские колготки, свадебные платья. 29 июня 2009 года его закрыли — за санитарные нарушения, за контрабанду, за то, что он стал «серой зоной», которую город не контролировал. Контейнеры увезли, торговцы разбежались. А на месте Черкизона нынче строят дома по реновации. Где была барахолка, там будут жить новосёлы из снесённых пятиэтажек. Москва любит такие рифмы.

А «Садовод» стоял и стоит. На 14-м километре МКАДа, с внутренней стороны, у пересечения с улицей Верхние Поля, на границе Капотни и Люблина. Торгует с девяностых. Сам себя называет «крупнейшим оптово-розничным центром России». И, кажется, не врёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.